

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ОКНО В ЕВРОПУ ЗАМЕТКИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Владимир Карлович Кантор

Главный редактор журнала

«Философические письма.

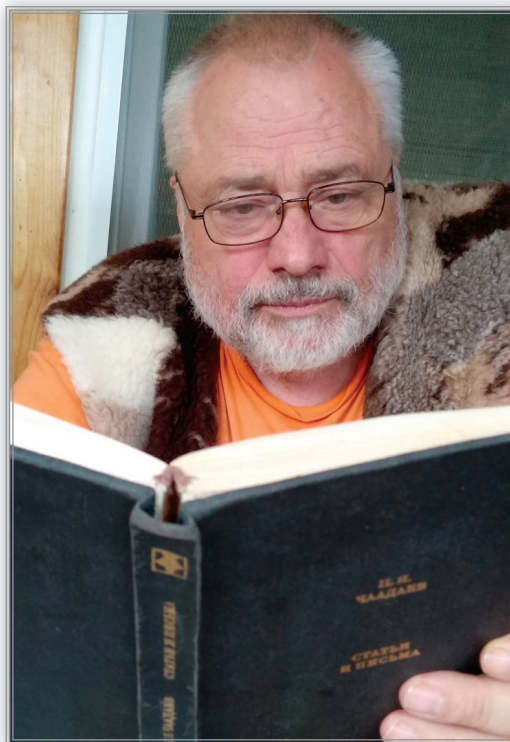
Русско-европейский диалог».

Доктор философских наук, ординарный профессор. Заведующий Международной

лабораторией русско-европейского

интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.

E-mail: vlkantor@mail.ru

Когда мы говорим, повторяя вслед за А. С. Пушкиным слова итальянца Франческо Альгаротти, что Петр прорубил окно в Европу, мы как бы забываем, что окно это выходило на море. Прямо в море. А что же Европа, суша? В примечании к поэме «Медный всадник» Пушкин сослался на первоисточник: «Альгаротти где-то сказал: “Pétersbourg est la fenêtré par laquelle la Russie regarde en Europe”, то есть «Петербург — это окно, через которое Россия смотрит в Европу» (Пушкин, 2008: 114¹). «Где-то» — известно, а именно в книге «Le lettere sulla Russia» («Письма о России», 1759). Пушкин вложил эти слова в уста Петра, провидевшего будущую судьбу страны («Природой здесь нам суждено...»). Пушкин во вступлении к «Медному всаднику» соединил идею окна, простора, моря и связей между разными странами и народами («...Все флаги в гости будут к нам»).

Не говорю уж о феноменальной начитанности Пушкина, но почему *выход к морю* означал *окно в Европу*? Ведь море пустынно — это не европейские города. Однако моря, как мы знаем, соединяют культуры, а леса и пустыни их разъединяют. Моря структурируют цивилизованное пространство, связывая торговыми путями разные страны. Таково Средиземное море, создавшее античную цивилизацию. Таково и Балтийское (оно же Варяжское, оно же Восточное). Приведу слова Гердера: «Для северных обитателей Европы Восточное море послужило тем, чем для Южной Европы было Средиземное море. <...> Какая бы народность ни жила на этих берегах, к какому бы племени она ни принадлежала, здесь всегда, больше или меньше, занимались торговлей» (Гердер, 1977: 475). В 1617 г. Русь была отрезана шведами от Балтики. Как пишет современный шведский исследо-

¹ Среди множества изданий «Медного всадника» в данном случае использовано то, где воспроизведен автограф А. С. Пушкина. — Прим. ред.

ватель, шведы были уверены, что отныне они хозяева Варяжского моря. И уверенность русских в том, что рано или поздно судьба переменится, выказанная при подписании Столбовского мирного договора, когда территории перешли к шведам, — «русские представители так прямо и высказали это: раньше или позже Ингерманландия вернется к России» (Энглунд, 1995: 30), — выглядела беспочвенной. До появления Петра оставалось еще больше полувека, а при том, в каком состоянии находилась Московская Русь, только счастливый случай, только Провидение могло помочь слабой стране. Пушкин замечал, что нельзя забывать о великой силе Божьего предопределения. Поэт, а не государственный деятель, не вельможа, предложил формулу русской истории. Возможность для нее освободиться из дурной бесконечности злой судьбы, из объятий извечного фольклорного горя-злосчастья Пушкин видел не в том, что казалось главным его современникам, писавшим о «пробуждении самобытного духа народа» (Полевой, 1990: 45). Нет, *формула Пушкина основана на христианской вере в чудо откровения и преображения*. Он писал, что человек «видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия провидения» (выделено Пушкиным. — В. К.) (Пушкин, 1962: 34). *Петр сам стал случаем*. Он оказался *орудием провидения*, перво двигателем, и здесь образ моря неслучаен: Петр — «скипер славный», «кем наша двинулась земля», это он удержал Россию «над самой бездной» стихии хаоса и разрушения. Никто из его современников не ожидал перемен; многие жили в ощущении, что историческое время не охватывает Россию, и видели в том ее исключительность. Но только в движении, в плавании по жизненному морю таился залог спасения. Страна действительно вырождалась в бунтах и мелких интригах бояр. И тогда из ничего, из невозможности возник Преобразователь. Неслучайно в пушкинской статье «О ничтожестве литературы русской» сказано: «наконец, явился Петр» (Там же: 408). В этом «наконец» и выражено чудо: его появления никто, никакой человеческий ум предвидеть не мог. *Явление, случай, воплощение воли Провидения*, для России спасительное. Осознание того, что Россия вошла в Европу, прозвучало в гениальном гетевском «Фаусте». Великий немецкий поэт высоко оценил усилия Петра по преобразению покинутого местными жителями берега моря, его пустынных берегов — и волн. Берег и вода — рама окна и стекло, сквозь которое виден ландшафт за его пределами. О связи образов Петра и Фауста подробно не писалось, но, скажем, М. Н. Эпштейн отметил близость этих двух образов в своей статье «Фауст и Петр на берегу моря. От Гете к Пушкину».

Вряд ли Пушкин здесь шел за Гете, но образ, им преподнесенный, был тот же — Петр Великий. Петр создал флот, это всем известно, и вывел Россию на берега

Балтийского моря. Однако мало кто вспоминает, что по тем же водам ходили когда-то суда Крестителя Руси, и деяние Петра вернуло русскую историю на те пути, которые судьба предназначала ей искони.

В исторических судьбах Северной Европы Варяжское море сыграло такую же роль, как Средиземное — в судьбе Эллады, ставшей колыбелью античной и раннехристианской цивилизации. Монголо-татары пришли на Русь по суше, варяги приплыли на Русь морем. На Севере все происходило по той же провиденциальной модели, что и на Юге, правда, с временной разницей в несколько столетий. Недаром Гердер уравнивал культурные роли обеих морей для разных регионов. Царь-преобразователь построил новую столицу на берегу Варяжского, совершив — и успешно — фаустианский поступок, ибо, как мы помним, Фауст последним и лучшим своим деянием считал отвоевание суши у моря. Он хотел обуздать *разбушевавшуюся бездну*, направив *бесполезную силу* природы на созидание, подчинив ее человеческой воле к преобразованию. Собственно, ту же задачу поставил перед собой и выполнил Петр; однако если Фауст, во всяком случае русский Фауст, известный нам по переводу Б. Л. Пастернака, жаждал преобразовать пучину, глубину, то деятельность Петра направлялась вширь, на охват как можно большего жизненного пространства для людей.

Однако заметим, что смысл деяния Петра был антифаустианским — именно потому, что свою личную волю, все возможности личности он осознанно направил на служение Провидению, разгадывая Его волю, отдаваясь волнам судьбы-Промысла. Не было рядом с ним искусителя Мефистофеля. Путь к морю и его берега надо было вернуть, и самодержец их вернул. Ради достижения цели Петр уехал в голландский Саардам и прошел трудную дорогу. Он учился строить корабли, чтобы вывести Россию на море, от маленького ботика, на котором плывал по Яузе и Измайловском пруду, до большой флотилии — вот путь царя, саардамского плотника.

Как-то Александр Зиновьев написал, что Россию в Европе никто не ждет. Никто не ждал ее и при Петре Великом. Но Пушкин написал: «Россия вошла в Европу как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек» (Там же). Столкновение со шведами было неизбежно. Петр осуществлял борьбу с хаосом на двух фронтах: внутреннем, косном, боярском, и внешнем — шведском. Победа осталась за ним прежде всего потому, что он сумел уловить вектор судьбы, волю Провидения — и подчинил ей свою личную волю. Историки, и первый среди них Вольтер, сравнивали двух властителей, Петра и Карла, и отмечали, насколько более глубокой и широкой оказалась натура российского самодержца — не столько тактика (здесь Карлу не было равных), сколько стратега, а параллельно

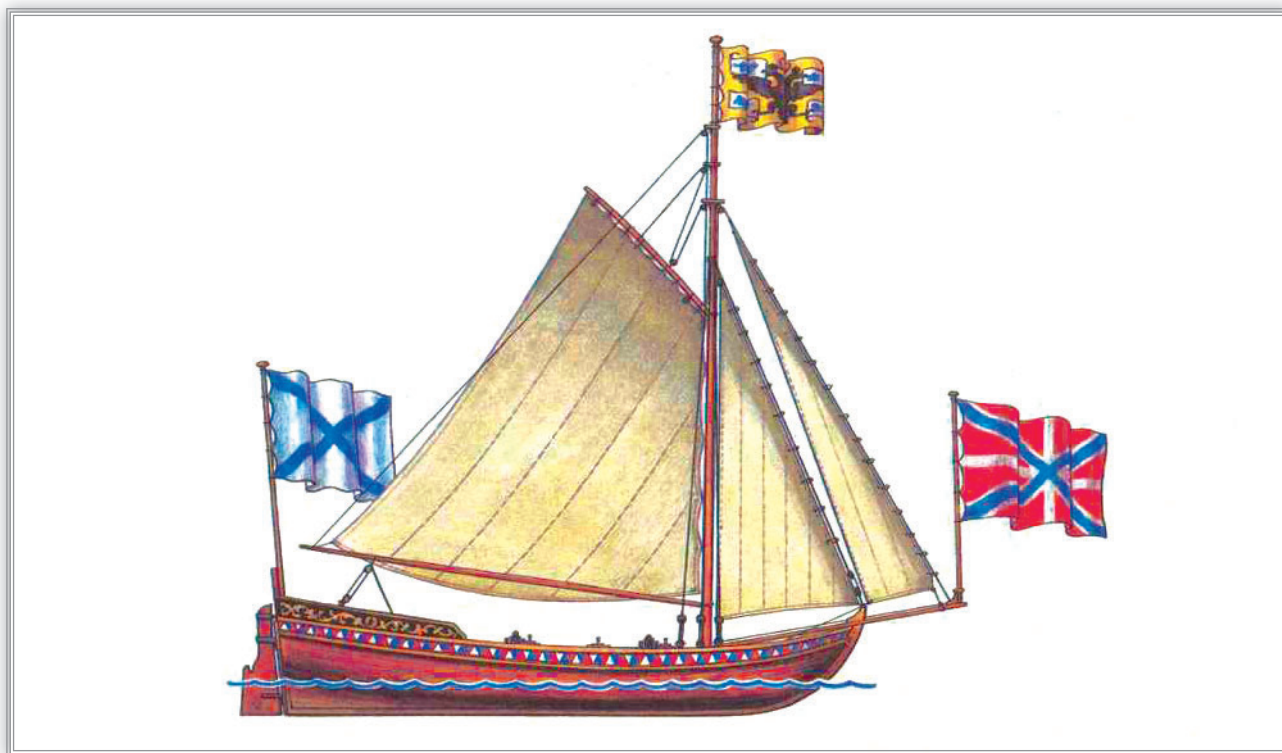
Peter Vaas (мастер Петр).
Петр Великий в матросском
костюме в Саардаме
(с гравированного портрета
Маркуса). Из кн.: Брикнер А. Г.
История Петра Великого:
В 5 частях. СПб.:
Тип. А. С. Суворина, 1882–1883.
Ч. 2. С. 175.

государственного хозяина. Стоит привести параллельную оценку обоих государей, данную Вольтером: битва под Полтавой (1709), как писал Вольтер в 1728 г., почти по свежим следам, произошла не столько между государствами, сколько между личностями, «между двумя самыми необычайными монархами, какие только существовали тогда в свете. Карл XII прославился девятью годами непрерывных побед, Петр Алексеевич — девятью годами трудов, создавших армию, равную шведской; один раздавал царства, другой насаждал в своих владениях цивилизацию. Карл любил опасности и сражался лишь для славы; Петр Алексеевич не бежал от опасностей, но воевал только ради выгоды. <...> Карл получил титул Непобедимого, которого мог лишиться за единую минуту, но Петру Алексеевичу вся Европа уже присвоила титул Великого, каковое ни одно поражение не могло отнять у него» (Вольтер, 1999: 128–129).

Шведский историк Энглунд описывал начало конца империи Карла XII. Он говорил, что Карл кружил по Прибалтике и Польше (круговое движение всегда

вызывает ощущение бессмысленности пути, в данном случае исторического), теряя один за другим стратегически важные пункты и не имея возможности выйти к Финскому заливу, блокированному русскими. Нельзя забывать, что строительство города, которому судьба предназначила стать столицей европейской России, началось на шведской земле (Энглунд, 1995: 35).

Россия не завоевательница. Через Петербург она открывалась Европе. При этом русский Амстердам, морской порт с аналогичными каналами и похожим ландшафтом, на новом витке истории воспроизводил когда-то свободный и разрушенный Иваном IV Грозным Новгород. Восстанавливался баланс внутри страны — между старой столицей, уже в ту пору символизировавшей крепость, незыблемость национальных устоев, и новой, знаменовавшей неостановимое

Ботик Петра Первого

движение вперед. Экономика и культура, нацеленные на открытость, строящиеся на основах диалога между государствами и народами, также свидетельствовали о переходе на следующий виток (Лотман, 1992: 20). После столетий изоляции, начавшейся с монголо-татарским присутствием, Россия возвращалась в Европу.

Все эти тенденции фиксировал Пушкин, для которого русское и европейское уже не отделялись друг от друга. Для него Петр — исполнение Божьего промысла о России. И вот самодержец строит город, который открыл Европу и сам открылся Европе, поскольку уже в идее нес в себе зародыш европейской России. И Пушкин в «Медном всаднике» описывал набережные, стройные громады дворцов, устройство порта, мосты, сады — ландшафт настоящей европейской столицы во всем ее торжественном великолепии.

Однако до всего этого была битва, Полтавская битва 27 июня 1709 г. Оба проводителя находились в первых рядах своих армий. Карл был ранен. О Петре в «Полтаве» Пушкин сказал: «Выходит Петр. Его глаза // Сияют. Лик его ужасен. // Движенья быстры. Он прекрасен, // Он весь, как Божия гроза». Божия! В одном слове — едва ли не вся пушкинская философия истории. Но для людей, живших в реальности, смелость Петра сама по себе не означала, что царь заговорен от пуль. И здесь Промысел вновь явил свою силу. «После Полтавской баталии, в шатре при собрании генералов, когда поздравляли государя с победою и пробитой шляпе его пулею дивились и благодарили Бога, что здравию царя никакого вреда

Петр I в Полтавском сражении. Гравюра М. Мартена (сына). I четверть XVIII в.

не приключилось, на то Петр Великий отвечал так: “Ради благополучия государства я, вы и солдаты жизни не щадили. Лучше смерть, нежели позор! Сия пуля (указывая на шляпу) не была жребием моей смерти. Десница Вышнего сохранила меня, чтоб спасти Россию и усмирить брата Карла. Сия баталия — счастье наше. Она решила судьбу обоих государств. Тако судил промысел возвысить славою Отчизну мою, и для того произносить будем благодарение наше Богу в день сей на вечные времена”» (Нартов, 1993: 308).

Мысля себя творцами истории, властители ставили себя на уровень героев древности: «Когда государь желал учинить мир с Карлом XII и о том ему предлагал, то король отвечал надменно: “Я сделаю мир с царем тогда, когда буду в Москве”. На сие Петр Великий сказал: “Брат Карл все мечтает быть Александром, но я не Дарий”» (Там же).

Швеция, ранее бывшая империей, съезжилась. Как пишут сами шведы, на Балтийском море не могли сосуществовать две империи одновременно. Осталась Российская. Мазепа, украинский гетман, рассчитывал на победу над Петром иноземного гостя, варяга, но — ошибся и в тоске возглашал:

Памятник Карлу XII. Стокгольм. Скульптор Й. П. Мулин

Стыжусь: воинственным бродягой
Увлекся я на старость лет;
Был ослеплен его отвагой
И беглым счастьем побед,
Как дева робкая.
Европа осталась за Россией.

Я был в Стокгольме. Там на набережной поставлен памятник шведскому королю, его создал скульптор Йохан Петер Мулин в 1868 г. Карл указывает куда-то рукой. Одни говорят, что он призывает шведов снова идти на Россию, другие — что предупреждает: мол, в ту сторону не ходите.

До Петра вся национальная энергия уходила в бунты, в раскол. Петр изменил вектор, направив его на построение государственности, общественного града, града цивилизации. Знаменитый историк М. П. Погодин писал: «Место в системе Европейских Государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, виноделие, торговля, внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академия — суть памятники его неутомимой деятельности и его Гения» (Погодин, 1846: 43).

Царский указ назывался так: «О писании впредь Генваря с 1 числа 1700 года во всех бумагах лета от Рождества Христова, а не от Сотворения мира» (Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. - Том III (1689-1699 гг.). - СПб., 1830. - С. 680-681. - № 1735).

Указ Петра о новом летоисчислении

Еще одно важнейшее нововведение: Петр поменял календарь, возвратив Россию в христианско-европейское пространство. На Руси по византийскому образцу летоисчисление издревле шло от сотворения мира. После петровской реформы Россия вдруг помолодела почти на шесть тысяч лет. Царь предписал вместо 1 января 7209 года «от Сотворения мира» считать 1 января 1700 года «от Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». Отсюда пушкинское определение петровской России как «России молодой», которая, «в бореньях силы напрягая, // Мужала с гением Петра».

Существенна, причем для людей русского языка весьма существенна, реформа алфавита. Как известно, петровская реформа типографского шрифта была проведена в 1708–1710 гг., причем по личной инициативе царя, как по его же велению возникли отечественная журналистика и художественная литература. Чего он хотел? Сделать так, чтобы облик русской книги приблизился к западноевропейским образцам. И это также было частью начинавшегося диалога России с Европой, диалогом, который вполне могут оценить современные дизайнеры: единство стиля облегчает взаимопонимание. Предполагают, что эскизы 32-х строчных и четырех прописных (А, Д, Е, Т) букв русского алфавита были выполнены в январе 1707 г. опять-таки Петром, хотя почерк у него был чудовищный. На сохранившемся экземпляре видно, как самодержец отвергал один вариант за другим,

как искал оптимальное начертание. Но нашелся профессионал, способный понять его замысел, — армейский штабной чертежник и рисовальщик (в некоторых источниках говорится, что он был инженером-фортификатором) Куленбах. Он справился с задачей графического оформления петровского эскиза. Затем в дело вступил типограф, белорус Илья Копиевич, работавший в Амстердаме. Он исполнил полный комплект шрифтовых знаков в трех размерах. Ту же работу выполнили и на московском Печатном дворе.

Советская почтовая марка

Желая, должно быть, восстановить справедливость, Д. С. Лихачев писал: «Наш алфавит называют “кириллицей”. Да, письменность наша восходит к делу Кирилла и Мефодия. Но алфавит, который в ходу у нас и у болгар, по составу букв и по их начертаниям создан и указан к употребления Петром. *И мы должны были бы его называть петровским* (выделено мною. — В. К.). Но о Петре в этой связи никто и никогда не вспоминает» (Лихачев, 1991: 295). Петр лично принимал участие в создании алфавита. Да, повторюсь, со своим жутким почерком. Но алфавит он хотел видеть читаемым.

Петр Алексеевич Романов — наш, что называется, культурный герой. Каждая культура, цивилизуясь, узнает своих героев, которые прокладывают дороги, уничтожают нечисть, приносят благо. Вспоминаются сразу и Геракл, и Тесей, и Прометей, и король Артур, и Илья Муромец. Но все это мифология. Бывают и исторические культурные герои, умеющие ощутить веление исторической судьбы вверенного им народа. Таковы император Константин, Карл Великий, Генрих VIII. В России — Петр Великий.

Петр, подобно Прометею, принес в Россию науки, но предварительно он всему выучился сам и только после этого передал знание подданным, как эстафету. Вот, скажем, в 1717 г. он находился в Париже. «Отношение Петра к культурным и техническим диковинкам Парижа было действительно не поверхностным, а серьезным. Он внимательно изучал самые разнообразные учреждения: арсенал, монетный двор, фабрики и заводы, типографии, ботанический сад и “аптекарский огород”, анатомический театр, обсерваторию, кабинеты математические, физические, механические. Он смотрел химические опыты и медицинские операции; все примечательное записывал и зачерчивал и, по своему давнему

«Азбука гражданская с нравочениями» (1710), она же «Азбука Петра Великого» — первое официальное гражданское издание такого рода в России. Была нацелена на упрощение русского алфавита

обычаю, все норовил испробовать сам, своею рукой. <...> Все поразились его знаниями, быстротою усвоения, ненасытною любознательностью, серьезным достоинством и непринужденностью, с какими он подходил ко всякому делу» (Платонов, 2001: 440).

Россию, существование которой в конце XV в. Европа «случайно заметила» после столетий изоляции, вновь приняли во внимание: в глазах западноевропейцев она обрела историческое значение. Великий английский историк XIX в. Томас Маколей писал: «Путешествие Петра Первого в Европу явилось началом целой истории не только наших стран, но и всего мира (курсив мой. — В. К.)» (Маколей, 2001: 132). Воистину прав Пушкин, заметивший в письме к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г., что Петр Первый есть *целая всемирная история*. Всемирная потому, что он четко и ясно обозначил место России, как сказал уже Чаадаев, *в общем порядке мира*. Стоит привести слова еще одного великого историка,

уже русского, С. М. Соловьева, который, строго говоря, почти всю отечественную историю рассматривал в отношении к Петру: «Петр Великий явился не как нечто случайное, но как порождение этой древней Руси, чувствовавшей жгучую потребность нового, потребность преобразования, чувствовавшей свое полное банкротство материальное и нравственное, но не умевшей найти средства удовлетворить этой потребности, делавшей постоянные попытки, но попытки неудачные. Нужен был человек, который соединил бы все силы народа и устремил бы их к одной цели, который дал бы народу страшные силы и помог бы ему вытянуть, поднять на другой берег тяжесть и выпихнуть ее. Сознали потребность поднять эту тяжесть, но не имели сил, по крайней мере не сознавали, как эти силы соединить, сосредоточить для поднятия тяжести. Явился человек, который помог это сделать. Вот значение Петра, вот в чем состоит его величие! <...> Если бы то, что он задумал, было делом только одной его личности, его каприза, то это дело разрушилось бы сейчас же после его смерти» (Соловьев, 1998: 41).

Но каприза не было, была поступь судьбы. Поразительно, как взрослел и умудрялся сам Петр в процессе построения России как империи, как европейской державы. Это видно и на портретах. Достаточно посмотреть на портрет кисти Андрея Матвеевича Матвеева (1724–1725), которого Петр послал учиться живописному мастерству в Голландию. Художник пробыл там одиннадцать лет. Вернувшись, возглавил команду живописных мастеров Санкт-Петербурга.

Главное, что Петр не боялся учиться у европейцев, ему был чужд ложный стыд показаться невежественным, обнаружить свое незнание. Он обладал исключительным свойством — свободой мысли, и недаром никому из просвещенных учителей не приходило в голову насмехаться над его первоначальной некомпетентностью. Ему было, кажется, совершенно чуждо опасение, что европеизация может каким-то образом помешать национальному становлению России или привести ее к «потере себя». Напротив, он был уверен: чем больше культурных кодов страна усвоит, тем самобытнее станет — не в националистическом, а в имперском смысле. Только молодые способны учиться и двигать науку вперед. Стра-

Портрет Петра Первого.
1724–1725 (?). А. М. Матвеев

Обложка книги
Ф. Альгаротти
«Русские путешествия:
Письма о России».
СПб.: Крига, 2006

на стала моложе, как молодым жил и умер ее лидер, способный учиться и верить в силы собственного народа. Вот что восхищало Пушкина в Петре.

В сущности, прорубленное окно оказалось дверью.

Не раз говорили, что слово, употребленное Альгаротти, можно перевести и как *дверь с террасы в сад*.

В 2006 г. его книга впервые полностью вышла на русском.

Рецензенты сразу заметили, в чем состоит интрига: ведь сам Альгаротти про «окно» не писал. Вернее — писал, но совсем не так, как процитировал Пушкин. В итальянском оригинале ключевое слово не *finestra* (окно, по-французски *fenêtre*), а *gran finestrone*, т.е., согласно переводчику «Путешествий» М. Г. Талалаю (издание под его редакцией вышло в 2016 г.), «большое окнище». Получается, что Альгаротти имел в виду проем. В него можно смотреть, но через него при желании можно и пройти, выйти и вернуться.

Знал ли Пушкин о смысле оригинальной метафоры Альгаротти?.. Возможно, что и нет, судя по всему, поэт не видел итальянского текста. Но ведь общий смысл метафоры (Петербург — брешь в стене, отделяющей Россию от Европы), что называется, носился в воздухе.

Не только Россия поехала в Европу. Европа, напуганная неожиданно свалившейся на голову христианской родственницей, сквозь эту дверь хлынула в Россию. Химики, технологи, художники, историки, физики, ремесленники широкого профиля — все они прибывали сюда, и очень многие оставались, прорастая родовыми корнями в почву новой родины. Ибо «столица России после длительного странствования вновь вернулась к исходной точке, а Россия снова вошла в систему объединяющей земной шар европейской цивилизации. Вернулась, приведя с собой в Европу целую гигантскую «Скифию»» (Мачинский, 1998: 16). Первым, наиболее мощным потоком в XIX в. было нашествие Наполеона. До этого Наполеон покорил Европу. Справившись с ним, Россия заодно освободила и Европу. Причем надо учесть, что в русской армии одним из величайших полководцев был шотландец Барклай де Толли, тот самый единственный военачальник, которому действительно удалось разбить Наполеона. Скифия зашла в Европу и почти сразу вышла, оставив после себя только словечко «бистрo».

Но главное наше *окно в Европу* — это Пушкин.

Закончу строчками Цветаевой из стихотворения «Петр и Пушкин» (2 июля 1931 г., выделено автором). Здесь обозначена кровная культурная связь между первым российским императором и первым ее поэтам, двумя *умнейшими мужами* страны:

Был *негр* ему истинным сыном,
Так истинным правнуком — *ты*

Останешься. Заговор равных.
И вот не спросясь повитух,
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух,

И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд — коим поныне светла...
Последний — посмертный — бессмертный
Подарок России — Петра.

Литература

- Вольтер (1999). История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб.: Лимбус Пресс.
- Гердер И. Г. (1977). Идеи к философии истории человечества. М.: Наука.
- Лихачев Д. С. (1991). Книга беспокойств. М.: Новости.
- Лотман Ю. М. (1992). Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. II. Таллинн: Александра.
- Маколей Т. Б. (2001). Англия и Европа. Избранные эссе. СПб.: Алетейя.
- Мачинский Д. А. (1998). Русско-шведский Пра-Петербург // Шведы на берегах Невы: Сб. ст. Стокгольм: Шведский институт.
- Нартов А. К. (1993). Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. Париж — Москва — Нью-Йорк: Третья волна.
- Платонов С. Ф. (2001). Петр Великий. Жизнь и деятельность // Платонов С. Ф. Под шапкой Мономаха. М.: Прогресс-Традиция.
- Погодин М. П. (1846). Петр Великий // Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М.: Тип. Августа Семена.
- Полевой Н. А. (1990). История государства российского. Сочинение Н. М. Карамзина // Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика. Л.: Художественная литература.
- Пушкин А. С. (1962). Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. М.: ГИХЛ.
- Соловьев С. М. (1998). Лекции по русской истории // Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. XXI, дополнительная. М.: Мысль.
- Энглунд П. (1995). Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М.: Новое книжное обозрение.
- Эпштейн М. Н. (1988). Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. М.: Советский писатель.

References

- Vol'ter* (1999). *Istoriya Karla XII, korolya SHvecii, i Petra Velikogo, imperatora Rossii*. SPb.: Limbus Press.
- Gerder I. G.* (1977). *Idei k filosofii istorii chelovechestva*. M.: Nauka.
- Lihachev D. S.* (1991). *Kniga bespokojstv*. M.: Novosti.
- Lotman YU. M.* (1992). *Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda* // Lotman YU. M. *Izbrannye stat'i v trekh tomah*. T. II. Tallinn: Aleksandra.
- Makolej T. B.* (2001). *Angliya i Evropa. Izbrannye esse*. SPb.: Aletejya.
- Machinskij D. A.* (1998). *Russko-shvedskij Pra-Peterburg* // *SHvedy na beregah Nevy*: Sb. st. Stokgol'm: SHvedskij institut.
- Nartov A. K.* (1993). *Dostopamyatnye povestvovaniya i rechi Petra Velikogo* // Petr Velikij. *Vospominaniya. Dnevnikovye zapisi. Anekdoty*. Parizh — Moskva — N'yu-Jork: Tret'ya volna.
- Platonov S. F.* (2001). *Petr Velikij. ZHizn' i deyatelnost'* // Platonov S. F. *Pod shapkoj Monomaha*. M.: Progress-Tradiciya.
- Pogodin M. P.* (1846). *Petr Velikij* // Pogodin M. P. *Istoriko-kriticheskie otryvki*. M.: Tip. Avgusta Semena.
- Polevoj N. A.* (1990). *Istoriya gosudarstva rossijskogo. Sochinenie N. M. Karamzina* // Polevoj N. A., Polevoj Ks. A. *Literaturnaya kritika*. L.: Hudozhestvennaya literatura.
- Pushkin A. S.* (1962). *Sobranie sochinenij: V 10 t. T. 6*. M.: GIHL.
- Solov'ev S. M.* (1998). *Lekcii po russkoj istorii* // Solov'ev S. M. *Sochineniya v vosemnadcati knigah. Kn. HKHI, dopolnitelnaya*. M.: Mysl'.
- EHnglund P.* (1995). *Poltava. Rasskaz o gibeli odnoj armii*. M.: Novoe knizhnoe obozrenie.
- EHpshtejn M. N.* (1988). *Paradoksy novizny. O literaturnom razvitii XIX–XX vekov*. M.: Sovetskij pisatel'.